

Е.А. ЗАЧЕВСКИЙ

«ГРУППА 47» В ОГНЕ КРИТИКИ

После триумфальной поездки «группы 47» в Швецию Г.В. Рихтер пребывал в некотором сомнении относительно сроков проведения новой встречи. Сомнения эти вызваны были не столько желанием заняться собственным творчеством, как ему об этом настоятельно советовал В. Йенс [1, S. 542], сколько тактическими соображениями. Г.В. Рихтер был раздражён непрекращающимися нападками на «группу 47» со стороны как «старой гвардии», так и прессы, и для того чтобы как-то сбить накал страстей, он решил отказаться от первоначального плана провести встречу группы весной. В письме к Р. Вигенштейну он объясняет сложившуюся ситуацию: «Встреча «группы 47» состоится теперь снова осенью. В настоящий момент моё отношение ко всему можно назвать одним словом как безрадостное. Постоянная глупая болтовня в журналах и газетах о нас, начиная с Дешнера и кончая Нойманом, с течением времени утомляет. О чём они собственно толкуют? О мнимом привидении, которое они сами для ужаса сочинили» [1, S. 544].

Действительно, 1964 год, особенно после того, как появились сообщения о предстоящей встрече «группы 47» в Швеции, отмечен обилием в западногерманской и швейцарской прессе всякого рода статей, в которых «группу 47» обвиняли во всех смертных грехах. При этом тон задавали авторы, что называется, второго плана – Х. Хабе, Г. Кирст, Э. Кройдер, Ф. Тисс, то есть беллетристы чистой воды.

С особым размахом «группа 47» подверглась огульной критике в книге несостоявшегося писателя, но успешного публициста Карлхайнца Дешнера «Таланты – Писатели – Дилетанты. Переоценённые и недооценённые произведения современной немецкой литературы» (Deschner, Karlheinz. Talente – Dichter – Dilettanten. Überschätzte und unterschätzte Werke in der deutschen Literatur der Gegenwart, 1964). Л. Дешнер давно уже зарекомендовал себя как публицист провокационно-разоблачительного свойства, не утруждающий себя в выборе слов. Громкую известность получили его скандальные книги, посвящённые политическим, сексуальным и преступным деяниям отцов католической церкви. Досталось и литературе, ибо и

там ему удалось найти, как он полагает, кое-что «жареное». Если в первой книге о литературе – «Кич, традиция и искусство» («Kitsch, Konvention und Kunst», 1957) – досталось в основном В. Бергенгрюну, Г. Гессе, Г. Кароссе, Э. Юнгеру, Г. Бенну и целому ряду авторов нацистского Парнаса, и в известном смысле его резкие высказывания были оправданны, то во второй книге героями его изысканий в качестве «переоценённых» стали И. Бахман, Г. Бёлль, У. Йонзон, Г.М. Энциенсбергер; в этот же список попали М. Фриш и Г. Гайзер. Всем им в качестве «недооценённых» были противопоставлены Э. Бельцнер и Э. Кройдер, писатели, о которых давно уже забыли, хотя они являются, по мнению К. Дешнера, продолжателями традиций Г.Г. Яна, Г. Броха и Р. Музиля – великих писателей, не имеющих себе равных в современной немецкоязычной литературе [2, S. 9]¹.

Однако основным предметом «разоблачений» Дешнера стала «группа 47» и её «домашние» критики В. Йенс, М. Райх-Раницкий, Й. Кайзер, Г. Майер, а вкупе с ними и ряд консервативных критиков, среди которых особенно досталось Г. Блэккеру, К.А. Хорсту и Г.Э. Хольтхузену, уличённых в профессиональной близорукости и потакании «литературной халтуре». Суть проблемы заключалась в том, что нынешние авторы, хотя Дешнер и отдаёт им должное, пишут не так, как писали «великие», и виновата в этом «группа 47» с её командой критиков: «Не существует какой-либо значительной современной немецкой литературы. У нас нет ни великого эпического писателя, ни великого лирика, ни великого драматурга. Но зато у нас есть громаднейшая пропагандистская машина – это «группа 47». Она внушает всем то, чего нет на самом деле» [2, S. 9].

Конечно, любой критик имеет право на своё мнение о том или ином авторе, однако тональность высказываний К. Дешнера сродни тональности К. Цизеля, нацистского писателя, превратившегося после 1945 года в одночасье из Савла в Павла и поливающего грязью всё и вся, особенно тех, кто хоть в какой-то мере исповедует республиканские принципы. Вероятно, поэтому Дешнер берёт его в свои союзники. Правда, в отличие от Цизеля, Дешнер занимался анализом произведений интересующих его авторов, однако словарный запас критика определялся в основном лексикой улицы, и поэтому авторы «группы 47» у него «поносные засранцы» [2, S. 10], Г. Бёлль – «средненький писатель» [2, S. 47], чья проза представляет собой «неудобоваримый кич» [2, S. 41], лирика и проза И. Бахман являются ничем иным как «безнадёжной халтурой и напыщенной галиматьёй» [2, S. 76, 123], У. Йонзон – «бумагомаратель», больше похожий на кретина, чем на гения» [2, S. 200], чей немецкий язык «часто забавно глупый, но всё же чаще глупый, чем забавный» [2, S. 214], а поэзия Г.М. Энциенсбергера представляется критику «болтовнёй щёголя, блатным жаргоном с еврейским акцентом», одним словом, «у него во рту каша» [2, S. 303, 328].

Если у кого каша во рту, так это у самого критика. Порицая плохой, с его точки зрения, язык писателей (здесь Дешнер выступает в роли сельского учителя времён кайзера, не признающего за писателем права на любое отступление от нормативной грамматики), критик уснащает свои высказывания таким обилием иностранной лексики, что впору говорить о стилистической несостоятельности самого порицателя. Чего стоит одна фраза, касающаяся стиля прозы Г. Бёлля, которую для наглядности есть смысл привести в оригинале: «Curcutiöse Soliloquien, monotone Paraphrasen, soignierter Schmus, ausgelagte Lokutionen, negligantes Wiederholen». Эта смесь «французского с нижегородским» в немецком варианте не содержит в себе никаких откровений, которые следовало бы изложить псевдо-научным языком: «Бесконечные монологи, монотонные парафразы, выхоленная пустая болтовня, вымученные обороты речи, небрежные повторы» [2, S. 28].

Подобные языковые изыски на пустом месте как-то не вяжутся с общим стилем провокационно-разносной книги Дешнера, и дело тут, вероятно, не в том, что стиль повествования названных авторов не нравится критику, а в том, как правильно заметил К. Рель, что он «ни разу не был приглашён на встречи «группы 47», отчего он так ею и недоволен» [3]. Правда, сам Дешнер в письме к Релю утверждает, что «устно и письменно мне неоднократно задавали вопрос, не хотел бы я побывать на встрече» [3], однако каких-либо сведений о контактах Дешнера с авторами «группы 47», не говоря уже о Рихтере, обнаружить не удалось. Сам Дешнер тут же замечает, ссылаясь на мнение некоего мюнхенского писателя, что «люди клики... обладают необычно тонким нюхом по части того, чтобы определять, кто к ним расположен, а кто нет» [3].

Появление столь разносного опуса К. Дешнера вызвано, конечно, не тем, как расположена «группа 47» к нему и вытекающей отсюда обиды критика, а в росте значимости этого литературного собрания не только в ФРГ, но и за её пределами. Почему-то никто за рубежом не организует чуть ли не на правительственном уровне своеобразный фестиваль других авторов из ФРГ, а отдаёт предпочтение именно «группе

¹ Примечательно, что в 1963 году вышла книга одного из «недооценённых», Э. Кройдера, «След под водой» («Spur unterm Wasser»), которая, при наличии минимального сюжета, является своеобразным выяснением отношений с современной литературой в духе К. Дешнера. Хотя конкретные авторы не названы, но, учитывая давнюю вражду Э. Кройдера с «хинно-горькими реалистами» из рядов «группы 47», не трудно определить истинных адресатов его гневных обличений.

47», которую хотели бы видеть в Чехословакии и в США (разговор об этом пойдёт несколько позже); почему-то никто не интересуется творчеством того же Г. Хабе или Г. Кирста, а имена этих «неумех» вроде И. Бахман или Г. Бёлля не сходят со страниц газет и журналов многих стран. Дешнер искренне недоумевает по поводу того, что даже далёкие от «группы 47» критики, вроде Г. Блэккера или Г.Э. Хольтхузена, восторгаются романами Г. Бёлля, поэзией И. Бахман, «импотентной прозой» У. Йонзона [2, S. 204], поэзией и публицистикой «честолюбивого эпигона» Г.М. Энценсбергера [2, S. 281]. Во всём этом Дешнер видит заговор и происки «домашних критиков» «группы 47», и, прежде всего, Энценсбергера, которому посвящена четверть всей книги. Именно они, прибегая ко всякого рода рекламным трюкам, превозносят до небес авторов «группы 47» и замалчивают, а то и вовсе уничтожают неугодных соперников: «Но г-н Мюллер и фройляйн Шульце, безостановочно обрабатываемые прессой, радио и телевидением, покупают превозносимые произведения так же, как они покупают стиральный порошок, которые им непрерывно рекомендуют. И они никогда громко не скажут, что эта книга им не нравится, если в «Вельт», в «Цайт», в «Зюддойче»... и если всё же сам Вальзер напишет об Энценсбергере, а Энценсбергер, в свою очередь, – о Вальзере... и так далее, их наберётся с полсотни, а каждый из них имеет несколько друзей... А того, кто не относится к их друзьям, в большинстве случаев замалчивают, потому что...» [2, S. 343].

Читая эти и подобные им рассуждения о якобы низком качестве литературной продукции авторов «группы 47», произвольно возникают сомнения в квалификации огромной армии редакторов издательств, газет, журналов ФРГ, которые беспрекословно выполняют все рекомендации критиков «группы 47» и покорно публикуют эту так называемую «халтуру», как возникают сомнения и в разумности владельцев издательств многих стран мира, где эту халтуру переводят и даже – *horribile dictum* – издают и продают. Складывается такое впечатление, что эти «клоакословные засранцы» [2, S. 356] протянули щупальцы по всему миру и не дают прохода истинным талантам.

Позицию Дешнера разделяет и Франк Тисс (Thiess), автор исторических романов с националистским духом времён 20–40-х годов, записавший себя в ряды «внутренней эмиграции» в годы нацизма, хотя таковым никогда и не был. Не исключено, что он был тем анонимным мюнхенским писателем, который просвещал Дешнера об умении авторов «группы 47» определять своих противников. В своей статье «Дирижизм группы 47» («Der Dirigismus der Gruppe 47», 1964), довольно осторожной, без каких-либо имён, Тисс обвиняет не столько «группу 47», ибо и так ясно, что она представляет собой «политизированное литературное движение», которое всегда было «антинациональным, радикально пацифистским, отвергающим традиции и выступающим за мирное сосуществование с восточным блоком», сколько некритичных читателей, издателей, прессу: «Группе не нужны никакие диктаторские средства для сохранения её влияния, потому что вследствие растущего политического полевения в обществе на её долю почти автоматически приходятся ключевые позиции на радио и телевидении, в театрах, газетах и издательствах – её друзья, сторонники, зачинатели и оруженосцы заняли в них места. Неправильно приписывать «группе 47» террористические намерения, как писала об этом летом 1964 года швейцарская «Вельтвохе». Скорее следует придерживаться мнения о том, что у неё были основания выступить против чрезмерного количества услужливых и ревностных попутчиков». Именно поэтому, замечает Тисс, «немецкая академия языка и литературы, присудив в 1963 и 1964 годах премию имени Бюхнера двум старым бойцам «группы 47» [Г.М. Энценсбергеру и И. Бахман. – *Е. 3.*], однозначно высказалась за неё, и произошло это без малейшего движения с её стороны... Дирижизм группы... осуществляется вовсе не только ею одной, он давно уже распределён по различным лагерям: его можно обнаружить даже в школах, университетах и, естественно, в различных литературных жюри. Это было бы невозможным, если бы среди читающей публики не существовал нейтралитизм, позволяющий воспринимать сложившееся положение вещей столь безропотно». В этой ситуации, когда «даже заметные таланты вынуждены пасти своих Пегасов среди ужасной скуки и порнографических экспериментов», решающее слово остаётся за читателем: «Не поэт придаёт литературе эпихальный ранг, а читатель, который выносит окончательное решение о том, что должно жить и что должно исчезнуть» [4].

Ф. Тиссу, как никому другому, известна эта истина, ибо читатель давно уже вынес своё окончательное решение относительно его книг, и ему осталось теперь только предаваться lamentациям по поводу испорченных литературных нравов, выбирая для этого печатные органы националистского толка. Учитывая тот факт, что голос и мнение Тисса к середине 60-х годов в ФРГ для подавляющей массы читателей ничего не говорили, Г.В. Рихтер, судя по всему, просто не обратил внимания на его статью.

Другое дело поведение лиц, находившихся в известной близости к «группе 47». Особое раздражение Г.В. Рихтера вызвало то обстоятельство, что люди из его окружения, вроде Клауса Рёля или достаточно благорасположенного к «группе 47» критика Рудольфа Вальтера Леонхарда сами, возможно, того не желая, но руководствуясь своими журналистскими надобностями, способствовали созданию вокруг его детища скандальной, а и просто неблагоприятной обстановки. Рёль, будучи редактором журнала «Конкрет», отказал Дешнеру (он входил в состав редакции журнала) опубликовать его разгромную статью о стихах Энценсбергера, а теперь, после выхода книги Дешнера, предложил ему опубликовать главы из неё,

судя по всему для того, чтобы организовать дискуссию [3]. Леонхард, шеф литературного отдела еженедельника «Цайт», считавшегося по праву «домашним органом» «группы 47», не раз провоцировавший с самыми благими намерениями дискуссии вокруг «группы 47» (в 1962 году в преддверии юбилейной встречи, в 1964 году в преддверии встречи в Швеции), опубликовал в январе 1965 года в литературном приложении к «Нью-Йорк Таймс» большую статью, из которой следовало, что «группа 47» как литературное явление прекратила своё существование: «Группа 47» является немецким литературным движением, которое, возможно, станет интересным для историков, как, скажем, движение «Бури и натиска». Всемирный интерес возникает тогда, когда начинает казаться, что какое-то литературное движение увядает в собственной стране. У каждого литературного движения есть свой срок. У этого – 17 лет. А сейчас создаётся впечатление, что мы на пороге некоего нового немецкого классицизма» [5, p. 16].

Подобные мысли могли возникнуть у Леонхарда под впечатлением демонстративного отсутствия на встрече в Швеции известных авторов первого поколения. Не исключено также, что подчёркивание критиком конечности существования «группы 47» является его маленькой мстостью Рихтеру, с которым он находился в натянутых отношениях из-за провокационной статьи М. Вальзера о социализации «группы 47», которая появилась в «Цайт» не без помощи Леонхарда. В этой связи даже стоял вопрос о полном разрыве с ним, и только благодаря увещаниям Хайнца фон Крамера Рихтер пригласил его из тактических соображений на встречу в Швецию, да и то как обыкновенного гостя, а не как корреспондента «Цайт» [1, S. 515–516]. Правда, Леонхард всё-таки опубликовал в «Цайт» статью о встрече «группы 47» в Швеции, но это были лишь «моментальные зарисовки встречи этого года», как гласил подзаголовок его заметок, которые больше подходили для какого-нибудь иллюстрированного журнала вроде «Штерн», чем для такого солидного еженедельника как «Цайт» [6].

Как бы то ни было, но статья Леонхарда в «Нью-Йорк Таймс» вкупе с упоминавшейся в ней книгой Дешнера вызвала, как сообщал Райнхард Леттау в своём возмущённом письме к Рихтеру, настоящий переполох среди американских германистов, к тому же не знавших о существовании Бельцера, Кройдера и Дешнера, и поэтому находившихся в смятении насчёт того, «надо ли им срочно прочесть их книги» [1, S. 551]. Следует отдать должное Леонхарду, безотносительно преждевременных высказываний о конце «группы 47», его статья была первой достаточно квалифицированной публикацией о ней, появившейся в самой представительной газете США. Это отметил даже Леттау, что не помешало ему потребовать от Рихтера покончить с «этим дерьмом», осмелившимся «назвать нас всех классиками, – более тяжкого оскорбления трудно себе представить. Ты только представь себе – олимпиец Хайссенбюттель! Этому Леонхарду место в дурдоме!» [1, S. 552]. Более того, Леттау опубликовал в «Нью-Йорк Таймс», в разделе «письма читателей», гневный отклик на статью Леонхарда, назвав её «ошибочной и совершенно прискорбной», обвинив его кроме всего прочего в неправильных сведениях о «группе 47» [7, p. 35]. В ответном письме Леонхард, извинившись за неправильные сведения о «группе 47», тем не менее, остался при своём мнении о приближающемся конце этого литературного объединения: «Есть и другие приметы упадка. Бесспорно, историк Райнхард Леттау согласится с моим главным тезисом о том, что «литературные движения ограничены во времени». Так должна ли «группа 47» стать исключением? Должна ли она стать вечной? На все времена? Может быть, г-н Леттау ответит мне «пока нет»? Я рад, что у нас всё ещё есть «*esprit de corps*». С другой стороны, я не доверяю «*esprit de corps*» как живой силе в литературе. Похоже, что для немецкой литературной сцены стало типичным воспринимать снисходительно любое замечание относительно «группы 47» – либо как недостойную критику, либо как незаслуженную хвалу. Меня так долго обвиняли в неуместном восхвалении, что – ради разнообразия – я готов принять обвинение и в обратном» [8, p. 35].

Собственно, критический настрой Леонхарда по отношению к «группе 47» проявился уже и до злополучной статьи в «Нью-Йорк Таймс». Швейцарский критик Вальтер Видмер в своей рецензии на книгу Дешнера, помещённую в «Цайт» в конце 1964 года не без одобрения Леонхарда как шефа литературного отдела этого еженедельника, солидаризировался с критикой Дешнера в адрес «группы 47»: «Почему никто нигде не говорит о том, что «группа 47» сама себя предала, когда она стала литературной биржей? Когда она допустила на свои встречи издателей, редакторов и приближённых к группе критиков, когда её чтения превратились в ежегодные шоу, когда стали присуждать премии, когда чужаков стали разносить в пух и прах, сохраняя *habitus* группы... Несомненно, что «группа 47» сейчас является тем, в чём её пять лет тому назад незаслуженно упрекали, – фалангой союзников представительства, литературные биржевики и их мерки определяют, что имеет (или должно иметь) литературное значение» [9].

Примечательно, что ещё в конце сентября того же года в «Цайт» была опубликована статья Райнхард Раницкого «Барометр Сигтуны», где давались достаточно разумные объяснения на этот счёт [43, с. 250–251], которые не вызвали у редакции еженедельника и у самого Леонхарда возражений. Однако, судя по всему, надежды на устранение недоразумений «за кружкой шведского пива» во время ночных бдений, о чём Леонхард писал в своём письме Рихтеру при получении приглашения на встречу в Швеции [1, S. 516], не оправдались. В данной ситуации статья Видмера, в которой явно слышны отголоски скандальной статьи Хабе, как и прочная неприязнь швейцарской критики вообще к «группе 47», оказались кстати. Не слу-

чайно сын В. Видмера Урс Видмер, впоследствии известный швейцарский писатель, защитил в конце 1966 года диссертацию «Исследование прозы молодого поколения: 1945, или Новый язык» («Studien zur Prosa der jungen Generation: 1945 oder die Neue Sprache»), в которой попытался доказать приверженность авторов журнала «Руф» и ряда других молодых авторов, не входивших в будущую «группу 47», к жаргону времён нацизма. На данный момент – январь 1965 года – Рихтер не знал о диссертации Видмера-младшего, как не знал и о его статье «Такой уж сплошной вырубка не была» («So kahl war der Kahlschlag nicht»), опубликованной вскоре после встречи «группы 47» в 1965 году в Западном Берлине, в которой «разоблачался» миф о послевоенной молодой литературе.

События, связанные со статьёй Леонхарда в «Нью-Йорк Таймс», книгой Дешнера и с рецензией Видмера, побудили Рихтера, всё ещё сомневавшегося в необходимости проведения очередной встречи «группы 47» в 1965 году, доказать всем своим противникам, что группа жива и что она нужна. Учитывая важность возникшей ситуации, Рихтер готов пожертвовать собственными творческими планами ради сохранения «группы 47». Эта мысль чётко прозвучала в его письме Йенсу от 21 января 1965 года: «Как бы мне не нравилось твоё предложение сделать из личных соображений паузу на полтора года, ничего из этого не выйдет. Если бы не повторялись нападки на нас, если бы замолчал Лео, тогда, вероятно, это можно было бы сделать. Сейчас это невозможно. Это означало бы – по отношению к загранице – признать правоту тех, кто на нас нападает, всех этих дешнеров, хабе, нойманов, видмеров. Этим мрачных и ничтожных фигур. Короче говоря, это означало бы капитуляцию. Кто бы за это отвечал – политически и литературно – через несколько лет? Я не хочу и не могу. Разумеется, когда-нибудь «группа 47» закончит своё существование. Только это время должно определяться нами. Давления такого рода, как это было предпринято на страницах «Нью-Йорк Таймс», оказывают на меня обратное воздействие, и никто в этом смысле больше не сделал, чем Фридрих Зибург. Уже в 1952 году я готов был бы это дело прекратить для того, чтобы, как ты говоришь, подумать о себе. Нечто подобное [завершение деятельности «группы 47». – Е. З.] должно умереть в покое, а не в беспокойстве, не в разгар столкновений. Подумай только об одном аспекте этого дела, который я снова осознал только в эти дни, а именно об аспекте моральной поддержки, которую «группа 47» имеет для многих писателей (и не только для них) там, за стеной» [1, S. 554 – 555].

Несмотря на то, что мысль о проведении встречи «группы 47» не покидала Г.В. Рихтера, на первых порах его больше всего занимали вопросы сугубо политические – предстоящие парламентские выборы. Ещё до встречи в Сигтуне Фриц Раддац с подачи Энценсбергера и, надо полагать, не без одобрения Рихтера, собирался издать большим тиражом книгу о «скандинавской модели» социализма, с помощью которой предполагалось привлечь на сторону СДПГ голоса избирателей. Однако по зрелому размышлению все пришли к выводу, что подобная акция вряд ли вдохновила бы рядового немца, и принято было решение издать книгу «В защиту нового правительства, или Никакой альтернативы» («Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative», 1965), в которой писатели «группы 47» и близкие ей по духу авторы представили бы конкретных политиков из рядов СДПГ, которые могли бы, в случае победы этой партии, войти в состав нового правительства.

Инициатива издания этой книги исходила от Вилли Брандта, председателя СДПГ, который, памятуя прежнее участие авторов «группы 47» в избирательной кампании на стороне СДПГ, ещё в июле 1964 года в письме к Рихтеру высказал мысль о возможном сотрудничестве в новой избирательной кампании: «Могу ли я ещё раз обратиться к Вам по поводу критических советов из рядов Ваших друзей касательно принципов будущей правительственной программы?» [1, S. 544]. Осторожность Брандта понятна, ибо Рихтер, как и его соратники, не скрывал своего отрицательного отношения к СДПГ, хотя и понимал, что более значительной силы, противостоящей ХДС и ХСС, в ФРГ не было. Только в ноябре 1964 года, после встречи с лидерами СДПГ В. Брандтом, Ф. Эрлером и Г. Венером на съезде СДПГ в Карлсруэ, Рихтер решил представить «теневой кабинет» социал-демократов в сборнике «В защиту нового правительства» [1, S. 544]. В отличие от прежнего сборника «Альтернатива, или Нужно ли нам новое правительство?» новый сборник свидетельствовал о более решительной поддержке авторами «группы 47» СДПГ, что, однако, не означало единомыслия в оценке её деятельности, как, впрочем, и действенности самого сборника.

Рихард Хай, например, считал издание подобного сборника «делом провальным» [1, S. 544]; Г. Бёль, которому Г.В. Рихтер предложил написать статью о Фрице Эрлере, предполагаемом министре иностранных дел в кабинете В. Брандта, напрочь отказался участвовать в этом предприятии, ибо считал социал-демократов «презренными оппортунистами», а самого Эрлера – «более консервативным, чем ужасный Хассель» [глава МИД от ХДС. – Е. З.], и поэтому он «написал бы его портрет в очень критических тонах» [1, S. 544]. Бёлья особенно возмутил тот факт, что зал съезда был украшен транспарантом с призывом «Вернуть границы до 1937 года!»: «Почему тогда не 1942 года!» [1, S. 545]. Правда, позиция Рихтера по отношению к СДПГ мало чем отличалась от позиции Бёлля. В письме к Паулю Целану, который также отказался поддержать инициативу Рихтера, он заметил: «Хотя я не являюсь безоговорочным сторонником СДПГ, но в сложившейся в Германии ситуации не остаётся другого выбора» [1, S. 560]. Отказом ответил также и Вольфганг Кёппен, сославшись на то, что если бы он и представил желаемый портрет депутата

парламента, то «он был бы скорее противен партийной программе, чем приемлем... Конечно, я буду голосовать за них. Другой альтернативы нет. Но, к сожалению, нет и никакого воодушевления» [1, S. 555].

Из «старой гвардии» на призыв Рихтера откликнулся только Йенс, так что создание сборника «В защиту нового правительства» стало делом авторов «группы 47» второго и третьего поколений, то есть литературной молодёжи, ставшей в последние годы основной опорой всех его начинаний. В конечном итоге, стараниями Рихтера сформировался коллектив, в который вошли как авторы «группы 47» (К. Амери, Ю. Беккер, П. Вайс, К. Вагенбах, Д. Веллерсхоф, Г. Грасс, В. Йенс, А. Клюге, З. Ленц, Р. Леттау, К. Райниг, Г.В. Рихтер, К. Рёлер, П. Рюмкорф, Х. Фихте, Э. Фрид, Х. Хайссенбюттель, П. Хэртлинг, Р. Хай, П. Шаллюк, Г.М. Энденбергер), так и приглашённые со стороны Р. Аугштайн, Ю. Зоннеман, Р. Хавеман, Р. Хоххут, Г. Шваб-Фелиш, А. Эггебрехт, Р. Юнгк.

Сборник «В защиту нового правительства» был составлен таким образом, что читатель мог ознакомиться с различными точками зрения на предстоящие выборы, каждая из которых, тем не менее, содержала доводы в пользу кандидатов от СДПГ, хотя и выраженные порой несколько необычным способом. Предваряет сборник небольшое стихотворение в прозе Х. Хайссенбюттеля «Эдипов комплекс made in Germany» («Ödipuskomplex made in Germany»), в котором писатель в привычном для него, то есть в необычном стиле призывает избирателей отказаться от эдипова комплекса немцев, выражающегося в безоговорочной вере в вождя, будь то папа или фюрер, и выбрать разумную власть: «всё что мы требуем это чтобы больше не было ни папы, ни дедушки [К. Аденауэра. – Е. З.] надо покончить с эдиповым комплексом в политике быть свободным от предрассудков как мы выяснили для себя кто является самым разумным тот должен обладать властью и поэтому давайте попробуем это сделать» [10, S. 5].

Далее следует собственно предисловие. Г.В. Рихтер в своей статье «Альтернатива состоит в смене личностей» («Die Alternative im Wechsel der Personen») определяет причины, побудившие автора, как, впрочем, и других его коллег, принять участие в создании сборника: «1. Преодоление морального и политического бремени, возникшего по вине Третьего рейха. 2. Устранение раздела страны, воссоединение, урегулирование границ. 3. Нормализация всех немецких связей в Центральной Европе» [11, S. 11]. И, как следствие названных проблем, доводы против избрания канцлером ФРГ Людвиг Эрхарда, выраженные в статье Д. Веллерсхофа «Эрхард – это не алиби» («Erhard ist kein Alibi»), в которой доказывается неспособность и нежелание Эрхарда и ХДС вывести страну из политического и экономического тупика [12, S. 15–17]. Предисловие завершает сатирическое стихотворение Г. Грасса «Общенемецкий март» («Gesamtdeutscher März»), являющееся своеобразным парафразом к событиям мартовской революции 1848 года с поправкой на реальные события времени, которые совсем не радуют, и поэтому «я советую вам отдать голоса Эс-Де-Пе-Ге» [13, S. 19].

Последующие главы сборника дают читателю довольно обширный материал для размышлений, лишены предвыборной демагогии, пафосной трескотни и пропагандистской напористости. Необычность подачи материала заключается, прежде всего, в его эссеобразном характере, в доверительной интонации с элементами юмора. В главе «В защиту правительства личностей» («Plädoyer für die Regierung der Persönlichkeiten») представлены ведущие политики СДПГ – Вилли Брандт, Карло Шмидт, Густав Хайнеманн, Карл Шиллер, Фриц Эрлер, Хельмут Шмидт, Херберт Венер, Карл Фридрих Вайцекер и некоторые другие – во всём многообразии проявлений их деловых и человеческих качеств. Отмечены наиболее примечательные стороны их биографий (например, антифашистское прошлое Эрлера, его пребывание в нацистских тюрьмах, или принципиальный поступок Хайнемана, вышедшего из состава кабинета К. Аденауэра в знак протеста против военной политики правительства).

Для того чтобы привлечь читателей на сторону СДПГ, некоторые авторы вели агитацию от противного. Эта тенденция особенно проявилась в главе «Выборы в бундестаг – глазами заграницы» («Bundestagwahl – gesehen von jenseits der Grenzen»). На первый взгляд, как это было в статье Эриха Фрида «Английские заметки на полях» («Englische Randglossen»), автор выступает не на стороне СДПГ, приводя слова одного функционера лейбористской партии: «Я за то, чтобы победу на выборах одержала ХДС, потому что Германия кажется мне зловещей, и потому я думаю, что победа ХДС станет лучшим средством, могущим ослабить Германию и надолго изолировать её от мира в экономическом отношении» [14, S. 141]. И хотя автор никак не комментирует эти слова, именно в них и кроется его настоящее мнение, ибо в противном случае СДПГ сделает ФРГ более привлекательной для внешнего мира и повысит её экономическую мощь.

Петер Вайс, находящийся в эмиграции в Швеции, как и западногерманские писатели, озабочен политической и экономической ситуацией в ФРГ. В статье «Под тяжестью горы пшена» («Unter dem Hirseberg») он связывает невозможность своего возвращения в страну языка, на котором он пишет, с тем, что после 1945 года в ней мало что изменилось: «Социалистическая демократия, которую я тогда планировал, оказалась погребённой под горой пшённой каши. И если теперь там, где летают жареные голуби, всё так же полно подъёма и действительности, то я могу всё же видеть лишь спящих в каше, они лежат в ней, чавкая и храпя, пережёвывая жвачку во сне, а если кто-то восклицает – Братья и сёстры! –, то всё в порядке, их

будут вести и дальше к счастью, они только сонно пробормочут ура, перевернутся на другую сторону и продолжат дремать... Это огромное дремлющее тело, каким мне представляется Западная Германия, когда я сюда приезжаю, и которое даёт о себе знать только храпом и призраками сытых снов, не даёт каких-либо свидетельств о том, что в этой стране произошли какие-то изменения, которые можно было бы ожидать после катастрофы» [15, S. 147 – 148].

Об этом же, но в другом контексте, говорит и Роберт Хавеман, представляющий ГДР, тех самых «братьев и сестёр», о которых боннские политики столь часто говорят в своих речах, но ничего не делают для того, чтобы смягчить их горькую участь, отказываясь вести переговоры с властями ГДР о каком-либо сотрудничестве, не говоря уже о воссоединении страны. Помещение статьи коммуниста Хавемана, хотя и находящегося в оппозиции к политике СЕПГ, но выражающего в данном случае позицию партии по вопросу о воссоединении Германии, было довольно смелым шагом Рихтера, ибо впервые здесь была представлена полностью программа действий по самому актуальному вопросу, затрагивающему судьбы людей обеих стран [16, S. 132 – 139].

Нельзя сказать, что авторы сборника упорно навязывали избирателям своих подопечных. Более того, в их статьях ощущается прежнее сомнение в возможностях СДПГ произвести радикальные изменения в жизни страны, ибо по многим параметрам она мало чем отличается от ХДС. Известные слова Грасса «СДПГ как меньшее зло», определявшие участие авторов «группы 47» в предыдущей избирательной кампании, и сейчас не потеряли своей значимости. Аксель Эггебрехт в своей статье «Миллионер и социалист» («Millionär und Sozialist») высказывает мнение о том, что «победа СДПГ не давала бы особых оснований для проявлений бурного восторга, потому что в результате мы могли бы только немного свободнее дышать после удушливой атмосферы последних лет» [17, S. 49]. Здесь, и не только у Эггебрехта, проявляется, как писал Дитер Штротман в «Цайт», «некая досада, сдержанное согласие («раз уж начали, то куда деваться»). Между строк в большинстве случаев проглядывает больше критики, сомнений, предостережений относительно боннской концепции СДПГ сближения с ХДС в ходе изменений, чем безоговорочного согласия, однозначного, недвусмысленного воодушевления» [18]. Подобные откровения, отмеченные не только Штротманом, как это ни странно, привлекли внимание западногерманской общественности. Не случайно весь тираж сборника «В защиту нового правительства» – 80 тысяч экземпляров – был мгновенно раскуплен, и это при том, что незадолго до его выхода журнал «Шпигель», выходящий огромным тиражом, опубликовал на своих страницах несколько «ударных» статей из него [19, 47, 48].

Среди этих «ударных» статей следует особо отметить обширную и очень агрессивную статью писателя Рольфа Хоххута «Классовая борьба не окончена» («Der Klassenkampf ist nicht zu Ende»), посвящённую социальным проблемам в Федеративной республике, которая в купе с одноактной пьесой Грасса «ПОУМ, или Прошлое летит вместе с нами» («POUM oder Die Vergangenheit fliegt mit») и стихотворением «Общегерманский март», вызвала невероятный гнев канцлера Людвиг Эрхарда, развернувшего настоящую войну против интеллигенции. Выступая в мае 1965 года на партийном съезде ХДС земли Баден-Вюртемберг, канцлер в лучших традициях времён Гитлера заявил: «В нашей предвыборной борьбе мы хотим отказаться от грохота жестяного барабана... я больше не могу выносить неаппетитные проявления дегенеративного современного искусства. Сил моих больше нет» [20, S. 8]. Сил у канцлера сдерживаться действительно больше не было, и он разразился в июле 1965 года в Гамбурге на экономическом съезде ХДС/ХСС такой гневно-ругательной речью, что ни одна западногерманская газета не решилась опубликовать её полностью, приведя лишь отдельные (не самые сильные) высказывания оратора: «Нынче пошла такая мода, когда поэты стали выступать в роли социологов и политиков. Естественно, это их демократическое право, но тогда они должны смириться с тем, что с ними будут обращаться так, как они того заслуживают, а именно, как с невеждами и бездарью, рассуждающими о вещах, в которых они просто ничего не смыслят. У меня нет никакого желания разговаривать с господином Хоххутом об экономической и социальной политике... Они рассуждают о вещах, в которых ни уха ни рыла не понимают. Пусть они нанимаются в мелкие партийные функционеры, но при этом не претендуют на то, чтобы их принимали всерьёз как поэтов. Нет, так дело не пойдёт! Там, где кончается поэт, начинается ничтожная шавка» [20, S. 8].

Днями позже Эрхард, выступая в Кёльне перед функционерами социальной комиссии ХДС, развил свою мысль о поэтах невеждах и бездарях: «Существует определённый тип интеллигентности, который превращается в идиотизм... Я решительно восстаю против попыток интеллектуальных снобов превратить наше экономическое процветание в мишень для насмешек» [20, S. 8].

Разразился скандал, равного которому в предвыборной практике ФРГ ещё не было. Несомненно, что многие правые с удовольствием подписались бы под этими словами Эрхарда, но здесь он явно перегнул палку. Все попытки представить случившееся нервным срывом, издержками предвыборной борьбы оказались напрасными. Даже Рудольф Крэмер-Бадони, секретарь западногерманского ПЕН-клуба и лучший враг «группы 47», попытавшийся было оправдать Эрхарда его вовлечённостью в стихию предвыборной борьбы, не выдержал и назвал выходку канцлера «грязной» [21]. Эрих Кестнер, которого также нельзя

заподозрить в особой любви к авторам «группы 47», заметил, что канцлер не должен наносить удары в духе своего предшественника Аденауэра» [21].

Западногерманская пресса, как, впрочем, и зарубежная, достаточно оживлённо комментировала высказывания Эрхарда в адрес интеллигенции, однако комментарии на этот счёт походили скорее на увещания слишком расшалившегося ребёнка, чем на серьёзные порицания грубости политического деятеля такого масштаба. Пожалуй, только «Шпигель» и «Франкфуртер Рундшау» высказались достаточно откровенно по поводу разразившегося скандала. «Шпигель», используя прежние высказывания Эрхарда по вопросам культуры, откровенно высмеял его филистерские потуги предстать в глазах немцев «народным канцлером», чьи культурные запросы ограничиваются заботами о «будущем немецкой высшей лиги футбола» [22, S. 17 – 18]. Газета «Франкфуртер Рундшау», отличающаяся резкими выпадами в адрес правительства, сравнила Эрхарда с Й. Геббельсом, называвшего «подонками» и «бульварными литераторами» тех, кто осмеливался своей критикой осквернять «великое святое отечество». Демагог Геббельс... был уверен, что своей клеветой на интеллигенцию он вызовет в массе народа подспудные чувства. Таким чувством у среднего немца является наряду с антисемитизмом антипатия к интеллигенции, для которой «нет ничего святого»... И подобно тому, как печальный памяти Йозеф Геббельс знал в своё время, к каким чувствам он апеллирует, обрушиваясь на интеллигенцию, так и нынешний канцлер знает, что нападая на писателей, он попадает в самое сплетение всех национальных особенностей немцев» [23].

Авторы «группы 47» не стали ввязываться в словесную перепалку, однако открыто высказали своё мнение о позиции Эрхарда. В интервью «Франкфуртер Рундшау» У. Йонзон и М. Вальзер заявили: «Там, где кончается поэт, начинается Эрхард» [22, S. 18]. Бёлль, по словам анонимного автора статьи в «Шпигеле», ограничился лишь замечанием, что «это всё неприятно» [22, S. 18]. Рихтер, как писала итальянская газета «Коррьере дела сера», сказал, что «язык канцлера был "зверским"», особенно когда он решил, что «может брать взаймы из нацистского словаря выражения, вроде "дегенеративное искусство"» [24]. По поводу оскорбительных слов в адрес Хоххута Рихтер заметил, что «о Хоххуте можно много что сказать, но только не то, что он "ничтожная шавка"» [25].

Единственный, кто вступился за «несчастливого» канцлера, был Франк Тисс, самозванный «внутренний эмигрант», опубликовавший в пронацистской газете «Дойче Националь Цайтунг» статью «Скандал с литераторами» («Der Krach mit den Literaten»). Выбор этого печатного органа, как и язык статьи Тисса, выдают его прежние привязанности. «Литераторами» в фашистской Германии называли всех авторов, чьи книги не отвечали идеологии национал-социализма, и потому они были недостойны называться не только писателями, но и поэтами (именно так любили называть себя представители нацистского Парнаса). Как следствие приверженности к такой фразеологии можно рассматривать и иронические сетования Тисса по поводу того, как же мог Эрхард забыть, что на слово «дегенеративный», применительно к искусству бывшее в ходу во времена Гитлера, «теперь наложено табу». Тисс считает, что канцлер поступил совершенно правильно, ибо давно настала пора «произвести генеральную уборку в области культуры и очистить читальный зал... от «ангажированных литераторов», ведущих непрерывные атаки против Бонна, которые не останавливают ни личность федерального канцлера, ни уважение к национальному гимну». Именно поэтому «тысячи читателей и любителей литературы придерживаются такого же мнения, что и канцлер, но они не могут проявить свои чувства, ибо у них нет возможности высказать своё мнение. У канцлера такая возможность есть, и он её использовал» [26].

Конечно, плохо, полагает Тисс, что канцлер последовал примеру своих оппонентов и «вторгся в мир книг, предвительно тщательно не изучив проблемы нашей литературы», но ещё хуже то, что во всём случившемся «виновата сама политика Бонна, если некоторые литераторы, чьи книги воздействуют на многих читателей как дурной запах, от которого невольно отворачиваешься, что именно они представляют немецкую духовную жизнь... В министерствах до сих пор никто совершенно не озабочен построением нашего культурного высотного дома. Не долго думая по этому поводу, с фразёрской небрежностью аплодируют всем участникам этого процесса. Несколько лет тому назад допустили, что «группа 47» открыто высказала своё мнение о Федеративной Германии перед офицерами наших союзников в Париже. Спокойно созерцают льющийся дождь литературных премий, которые годами составляют миллионы, и видят в этом действительное подтверждение содействия культуре» [26].

«Как может возникнуть нечто другое из этого иллюзорного мещанского счастья, – заключает удручённо Тисс, – кроме искусства, питающегося ненавистью и отвращением, противоречиями и пессимизмом, искусства, которое отражает в отрицательном виде бездуховный позитивизм охотников за почестями и счастьем? Что ожидает тех, кто к ним не относится, но не может восхвалять мир, в котором они вынуждены жить! Им остаётся только отход в зону спокойно-терпеливого воздействия и постоянно слабеющей надежды на то, что после этих idiotских беспрестанных ухмылок со страниц иллюстрированных журналов вместе с систематическим добыванием оптимистически настроенных избирателей всё же последует пробуждение» [26].

Статья Тисса отражает мнение не только националистских кругов ФРГ, но и мнение большинства консерваторов. Однако в данном случае важно отметить, что именно «Дойче Националь Цайтунг» выступила в поддержку Эрхарда, увидев в его поступках некое напоминание о нацистском прошлом, хотя было бы наивным полагать, что канцлер исповедует нацистскую идеологию. Подобный шаг редакции можно объяснить ещё и тем, что именно в это время 57 представителей «партии, церкви и профсоюзов обратились к президенту ФРГ с просьбой найти пути прекращения злостной антисемитской пропаганды, шовинистических тирад и искажений истории» на страницах этой газеты [27]. Примечательно и то, что Тисс, считающий себя демократом, нашёл прибежище именно в этой газете, не имеющей ничего общего с принципами демократии. Вообще-то он мог бы обратиться со своими статьями в любую консервативную газету, учитывая тот факт, что имя его в консервативных кругах достаточно известно, но он предпочёл именно «Дойче Националь Цайтунг», и это свидетельствует о его прежних симпатиях, ибо все его исторические романы тех лет хорошо вписывались в литературную программу национал-социалистов, хотя сам он не был членом партии.

Как бы то ни было, но сборник «В защиту нового правительства» попал в более точную точку западно-германской действительности, характеризовавшейся стагнацией как в экономике, так и в общественной жизни [28]. Отсюда и взрыв негодования в лагере консерваторов. Г.В. Рихтер не без удовлетворения замечает в письме к Фрицу Раддау: «Паульсен, президент немецкого союза промышленности, был так взволнован во время выступления на телевидении по поводу статьи Хоххута, что у него руки дрожали. Нет, каков этот Хоххут. А Эрхард хочет принять меры против неаппетитностей Грасса, и ХДС также хочет ответить генеральным наступлением, хотя всё то, о чём мы написали, ляжет и должно лечь бременем на плечи СДПГ» [1, S. 570 – 571].

Правда, и СДПГ не испытывала особой радости по поводу сборника «В защиту нового правительства». В. Бранд довольно сухо поблагодарил Рихтера за проделанную работу, заявив, что, несмотря на имеющиеся противоречия, этот сборник «является примером того, что СДПГ может жить с интеллектуалами, во всяком случае, лучше, чем другие» [1, S. 569]. Более решительно выразили своё негодование сборником некоторые из его героев. К. Шиллер, например, был глубоко озабочен, прочитав статью Рихтера о себе, а руководство партии просто пришло в негодование [1, S. 579]. Разозлённый Раддау писал Рихтеру: «Как только могло такое прийти в голову этим людям, кто они и кто такой автор, который по приказу должен был бы всё это написать так, чтобы оно их устраивало?» [1, S. 570].

Тем не менее, в политической истории Германии не было ещё такой книги, где были бы столь подробно представлены кандидаты одной партии, а тем более СДПГ, книги, авторами которой были писатели, являвшие собой некий вариант партии «безродных левых», как их зачастую иронически называли оппоненты слева и справа. Какими бы с профессиональной точки зрения ни были незрелыми рассуждения авторов «группы 47», им нельзя было отказать в прозорливости. Не случайно один из рецензентов охарактеризовал тональность их статей как «реквием по правительству» [29], ибо, несмотря на успех на выборах, через год правительство Эрхарда развалилось, а сам канцлер вынужден был уйти в отставку.

Однако участие авторов «группы 47» в избирательной кампании не ограничилось только выпуском сборника «В защиту нового правительства». В начале апреля 1961 года Г. Грасс обратился к В. Брандту с предложением «основать в Берлине... команду из 4–5 человек, в задачу которой входило бы формирование текстов и усиление композиции Ваших речей» [30, S. 18]. Руководство СДПГ поддержало эту инициативу Г. Грасса, и 28 апреля 1965 года в Западном Берлине, на квартире К. Шиллера, будущего министра экономики ФРГ, состоялась встреча Г. Грасса, Г.В. Рихтера, К. Рёлера и К. Вагенбаха, где было решено создать на период с 1 июня по 19 сентября так называемую «Избирательную контору немецких писателей», в задачу которой входило «составление речей, шпаргалок, выискивание литературных ссылок, цитат, определение региональных и местных особенностей для выступлений, создание лозунгов..., способствовать появлению положительных статей в независимой прессе..., приглашать для выступлений в Бонне писателей и других представителей интеллигенции...» [31, S. 328]. Контора располагалась в помещении фонда имени Эберта в Западном Берлине и финансировалась СДПГ. В работе «Избирательной конторы немецких писателей», кроме её учредителей, приняли участие: Н. Борн, Г.К. Бух, Ф.К. Делиус, М. Айхгольц, Г. Эннслин, Х. Фихте, П. Хэртлинг, Р. Хауфс, Г. Хербургер, Г.П. Крюгер, М. Курбюн, Х.П. Пивитт, Ш. Райснер, П. Шнайдер, Б. Веспер-Триангель [32, S. 230]. Г.В. Рихтер непосредственно в работе конторы участия не принимал, но К. Вагенбах постоянно информировал его о деятельности этого необычного учреждения [1, S. 572].

Хотя К. Рёлер утверждал, что сотрудники конторы «не писали речей для политиков из СДПГ..., а только редактировали их, приглаживали», «избавлялись от чрезмерной субстантивации, вставляли глаголы» [33], материалы, представленные в книге К. Рёлера и Р. Ниче «Избирательная контора» («Das Wahlkontor», 1990), свидетельствуют о том, что в значительной мере речи ведущих ораторов СДПГ, включая самого В. Брандта, составлялись именно здесь. Другое дело, что предложенные варианты речей сокращались самими ораторами [34].

Кроме редактирования речей члены «Избирательной конторы» должны были поставлять контрматериал на выступления противников социал-демократов. Каждый вечер они получали по телетайпу высказывания ораторов из лагеря ХДС и к утру в специальный поезд В. Брандта, на котором он совершал поездки по стране, поступали контраргументы на выпады в адрес СДПГ.

Понятно, что все материалы, поставляемые «Избирательной конторой», носили анонимный характер, что, однако, не исключало и авторских выступлений, нашедших своё выражение в единственной в своём роде акции Г. Грасса. В содружестве с Социал-демократическим союзом высшей школы и Союзом либеральных студентов Грасс совершил в два этапа пропагандистское турне в поддержку Брандта, посетив около 49 городов ФРГ. Выступления Грасса пользовались большим успехом, и дело тут не столько в скандальной известности романов писателя, вызвавших неадекватную реакцию в обществе, но и в самой манере его общения со слушателями, в хлестких оценках деятельности лидеров ХДС, что приводило к неоднократным конфликтам с его оппонентами, как это было, например, в Вюрцбурге. Представители «Комитета действия за чистую литературу», вооружившись плакатами с наиболее порнографическими, по их мнению, цитатами из романа Грасса «Кошки-мышки» и свистками, пытались сорвать его выступление, и только вмешательство полиции и активная поддержка зала позволили ему до конца провести своё выступление.

Учитывая давнее подозрительное отношение Грасса, как и многих членов «группы 47», к социал-демократам из-за их непоследовательной и соглашательской политики, в его выступлениях звучала и критика в адрес самой СДПГ. Выступая, например, в Мюнхене, Грасс «призвал слушателей примириться с мыслью о потере Восточной Пруссии, Померании и Силезии («мы должны платить, ибо войну развязали мы»), и на него обрушились не только правые, но и сами социал-демократические лидеры. Они обвинили его чуть ли не в «государственной измене» [35]. Гнев социал-демократов понятен, ибо именно они выступили на своём партийном съезде с таким лозунгом в надежде привлечь голоса консервативных избирателей.

Однако самое примечательное в предвыборной акции Грасса было то, что ему удалось привлечь слушателей к активным и вполне конкретным действиям против политики властей, в частности, против обольщения министерством обороны солдат бундесвера всевозможными брошюрками, в которых воспевались военные успехи прошлого и говорилось об опасности с Востока. В противовес подобной «воспитательной» деятельности Грасс предложил собрать средства на приобретение книг для солдатских библиотек. Для того чтобы осуществить эту акцию, слушатели, пришедшие на встречу с Грассом, должны были заплатить за входные билеты две марки. Адреса конкретных воинских частей сообщались в афишах. Имя Грасса было достаточным гарантом того, что эти деньги действительно пойдут на благое дело, и залы, где выступал писатель, были всегда переполнены. Открывая в Дюссельдорфе второй этап своего пропагандистского турне, Грасс сообщил слушателям, что таким образом было собрано 14 189 марок и 43 пфеннига, а если к ним добавить семь тысяч марок, вырученных от продажи трёх речей, произнесённых Грассом за это время, то получалась вполне солидная сумма, которая и позволила открыть в пяти батальонах бундесвера библиотеки, каждая из которых имела в своём составе по 360 книг. Более того, открыта была библиотека и в лагере для тех, кто отказывается от воинской службы по моральным соображениям [36, S. 69 – 70]. Вторым этапом пропагандистского турне Грасса проходил под знаком конкурса на лучшую книгу для чтения в школе, для чего были учреждены 3 премии по 5, 3 и 2 тысячи марок [36, S. 71].

Совершая благое дело, Грасс не преминул воспользоваться возможностью ответить Эрхарду на его грубые выпады в адрес авторов «группы 47»: «Вы, господин Эрхард, можете спокойно называть писателей ничтожными шавками и неумёхами; время учит нас – быть может, слишком поздно! –, что эти обруганные ремесленники от языка не теряют из виду обе части Германии, в то время как вы и ваш кабинет министров судорожно цепляйтесь за министерские кресла этой части страны и традиций германского сепаратизма с тем, чтобы расширить жалкую главу в школьных учебниках.

Мы с ужасом убеждаемся в том, что люди, на которых мы возложили ответственность за правительство, хотя и обладают волей к власти, но их образованность всё же вызывает национальное чувство стыда, потому что ни у нашего министра внутренних дел, господина Хёхерля, ни у федерального канцлера Эрхарда ни разу не блеснул в глазах огонь Просвещения. Бездарные люди несут огромную ответственность. Если кто-то попытается им возразить языком Лессинга, они его не поймут, и, как это свойственно нашему критическому сознанию, обвинят, как это принято у нас, в коммунистическом заговоре. Хотя наши псевдолибералы при каждой возможности охотно украшают свои речи цитатами из Гёте, они тут же без всякого сомнения черпают вдохновение из наследия Йозефа Геббельса, и играют огнём, который в любую минуту готов поглотить неудобные книги и картины» [36, S. 75 – 76].

Участие авторов «группы 47» в предвыборной кампании на стороне СДПГ не принесло этой партии желаемого успеха, хотя и способствовало определённому росту её сторонников, что в конечном итоге привело её к власти: в 1966 году в коалиции с ХДС, а в 1969 году – как партии победительницы. По самым поверхностным оценкам работа «Избирательной конторы» способствовала привлечению 0,02% голосов избирателей на сторону СДПГ [32, S. 231]. В 1966 году, в преддверии «большой коалиции» СДПГ и ХДС, её помощники послали на имя руководства СДПГ телеграмму: «Избирательная контора немецких писателей

разочарована и огорчена, что СДПГ, крупнейшая партия, не осмелилась выставить свою кандидатуру на пост федерального канцлера. Если председатель ХДС войдёт в кабинет правительства, нам придётся не делать различия между Вилли Брандтом, Карлом Шиллером и господином Штраусом» [32, S. 231].

Третье и последнее, пожалуй, самое масштабное хождение «группы 47» в политику закончилось, как и предыдущие, ничем, оставив чувство горького разочарования и некоей усталости. По крайней мере, высказывания Г.В. Рихтера после выборов в бундестаг говорят о том, что его прежний политический запал существенно снизился. Во время дискуссии Г.В. Рихтера с Г. Штолтенбергом, министром по делам науки от ХДС, устроенной в начале января 1965 года неутомимой Марией Хёлтерс, депутата от ХДС в земле Северный Рейн-Вестфалия, любящей пощекотать нервы своим коллегам по партии постановкой неудобных вопросов (вспомним организованный ею в 1964 году диспут между В. Йенсом и В. Ленцем, депутатом от ХДС, по поводу «дела Й.Г. Дюфюса), атакующей стороной оказался Г. Штолтенберг, который всячески пытался вразумить писателей и определить границы их вмешательства в политику. Реакция Рихтера на все эти поучения была настолько снисходительной и даже в какой-то мере оправдательной, что корреспондент «Франкфуртер Рундschau», освещавший этот диспут, вынужден был заметить, что «авторам книги Рихтера «В защиту нового правительства» (в том числе и Хоххуту) желательно было бы иметь адвоката получше» [37].

Оправдательный настрой определяет в значительной мере и беседу Г.В. Рихтера с корреспондентом профсоюзной газеты «Форвертс» З. Бекером. Правда, Рихтер подчёркивает необходимость и полезность участия писателей в политической жизни страны, хотя, учитывая опыт последней выборной кампании, «нельзя утверждать, что участие писателей в ней воспринималось и будет восприниматься избирателями всерьёз; всё же можно отметить, что их слова были приняты во внимание и их протесты стали предметом размышлений» [38]. Однако его последующие рассуждения о степени вовлечённости писателя в политическую жизнь страны носят довольно осторожный характер: «Интеллектуал по своей натуре – открытый человек, самокритичный. Свободный от всякой политической идеологии, он подходит, скорее всего, для того, чтобы ставить перед политиком вопросы, побуждать его к постоянному обдумыванию его позиции и его планов» [38]. И тут же Рихтер ставит под сомнение возможность «возникновения новой общественно-критической литературы, как это было в XIX веке. По меньшей мере, он не может обнаружить каких-либо признаков этого, что соответствует политической сдержанности в работах молодых авторов» [38].

Трудно судить о достаточной достоверности высказываний Рихтера, потому что огромная статья Беккера являет собой, за редким исключением, пересказ слов писателя, ибо некоторые пассажи не согласуются с известным положительным восприятием Рихтером именно социально-политической окрашенности романов, например, Фихте или Грасса. Как бы то ни было, но ощущение усталости от политической озабоченности присутствует в рассуждениях Рихтера, и это при том, что он продолжает строить планы по наведению контактов с ХДС и СДПГ. В известной мере эти планы связаны с тем, что в правящих кругах ХДС осознали практические просчёты прошедшей избирательной кампании и были сделаны первые шаги для налаживания контактов с писателями. Вскоре после упоминавшегося диспута с Г. Штолтенбергом руководство ХДС в конце января 1965 года официально пригласило «группу 47» в Бонн. В письме к З. Ленцу Г.В. Рихтер замечает: «Несколько глупое приглашение. Я ответил на него, что «группу 47» нельзя пригласить в Бонн. Кроме того, никто и не поедет. Говоря словами ХДС – дух не идёт к власти. В крайнем случае, власть может прийти к духу. В ответ на настоятельную просьбу... я сказал, что я приглашаю несколько представителей ХДС провести у меня дома, в Берлине, неофициальную встречу (с разговорами, ужином и т.п.). В ХДС – огромная радость. Можешь себе представить? Насколько мы преуспели в этом деле...» [1, S. 590].

Относительно того, насколько преуспели авторы «группы 47» в наведении мостов между духом и властью, можно ещё поспорить. Тем не менее, даже те немногие контакты её наиболее деятельных представителей с ХДС, не говоря уже о тесных взаимоотношениях с СДПГ, вызвали в её собственных рядах неоднозначную оценку, а в литературных кругах ФРГ так и просто тревогу. В этой связи особый интерес представляет полемика между Рольфом Шрёрсом, опубликовавшим в майском номере журнала «Меркур» статью под названием «Группа 47 и немецкая послевоенная литература» («Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur», 1965) и Генрихом Бёллем, опубликовавшим в том же журнале ответную статью «Страх перед «группой 47»» («Angst vor der «Gruppe 47»). Полемика эта интересна уже тем, что спор ведут два писателя, имеющие прямое отношение к «группе 47», однако полемика их производит несколько странное впечатление, ибо во многом их мнения на предмет спора сходятся, различие только в нюансах.

В своё время Шрёрс был изгнан из рядов «группы 47» в связи с его участием в военных преступлениях во времена нацизма², и поэтому тональность его статьи имеет обличительную окраску; Бёлль, хотя номинально он и остаётся членом «группы 47», также ощущает себя отторгнутым ею, находясь, как и практически вся «старая гвардия», в оппозиции к Рихтеру по политическим и концептуальным причинам,

² Подробности ситуации, сложившейся вокруг Р. Шрёрса см.: [42, с. 237].

и тональность его суждений о «группе 47» носит характер сожалений по поводу якобы загубленного хорошего дела.

Красной линией через всю статью Шрёрс проходит мысль о том, что «группа 47» не есть литературное явление, а всего лишь литературно-социологический феномен, не имеющий ни литературного направления, ни школы. По этой причине книги её авторов далеки от общепринятых представлений о традиционной литературе, они не обладают «восприимчивостью», не дают читателю «новых познаний», не создают «процесса восприятия», не являются «интимно захватывающими», одним словом, лишены приватной атмосферы, а всё потому, что авторы этих книг отдают предпочтение проблемам «недовольства и социальным конфликтам» [39, S. 495]. Такая ориентация приводит к тому, что «автор и его произведение, а в конечном итоге и читатель, оказываются обманутыми, воспринимая только второстепенные признаки литературы: политические высказывания, социальные заботы, партийные пристрастия, непонятную ангажированность, то есть то, что для литературы имеет поверхностное значение» [39, S. 495]. Поэтому Шрёрс и не говорит о произведениях авторов «группы 47», полагая, что там и говорить не о чём, ибо «в литературном отношении Гюнтеру Грассу и Мартину Вальзеру и Ингеборг Бахман нечего сказать, даже если бы это в литературном смысле и совпадало с литературой, которую мы могли различать под понятием экспрессионизм или сюрреализм» [39, S. 503 – 504]. Таким образом, «тот, кто говорит о «группе 47», говорит о социологическом феномене литературы, но не говорит о литературе как таковой» [39, S. 496]. Хотя некогда раньше Шрёрс заявляет, что «всякий, кто занимается немецкой послевоенной литературой, не может не учитывать существования «группы 47» [39, S. 496].

Все беды «группы 47» состоят в том, что «она не создала своего стиля, который можно было бы осмыслить эстетическими категориями в сравнении со стилями 20-х годов – экспрессионизмом, дадаизмом, неоромантизмом, классицизмом, ироническим или героическим реализмом. При упоминании этих старых понятий стиля сразу на ум приходят имена авторов, даже имена издателей и журналов. Стили не ограничивались литературой, они обозначали художественные и интеллектуальные направления в музыке, живописи, науке и философии. Ожесточённые конфронтации между возможными позициями обозначили духовные разногласия, которые не уступали политическим страстям тех дней. Но художественное произведение в своём воздействии превосходило каждую группу» [39, S. 497]. В подтверждение этому Шрёрс ссылается на Г. Гауптмана, который «создал немецкий натурализм», и Г. Бенна, который «способствовал тому, что экспрессионизм стал явлением», заявляя при этом, что «ни об одном авторе «группы 47» нельзя даже нечто подобное сказать», ибо «они не придали группе какой-либо литературный стиль, как и не восприняли его от группы» [39, S. 497].

Подобные рассуждения Шрёрс свидетельствуют о том, что он плохо знает историю литературы Германии и совсем не понимает назначения литературы, которая ещё со времён Лессинга осознавала себя «частью общественной действительности», с которой она, литература, находилась в состоянии «постоянной полемики». Не ради же создания натурализма как стиля создавал Гауптман свои пьесы, которые как раз и подвергали критике социальные и духовные язвы кайзеровской Германии. Инкриминируя «группе 47» отсутствие стиля и приверженность к социальным проблемам времени, Шрёрс мыслит старыми категориями, не замечая того, что литературный процесс не стоит на месте, а видоизменяется в зависимости от запросов времени, отчего противопоставление авторам «группы 47» Г. Казака, Р. Хух, Р.А. Шрёдера, М.-Л. Кашниц, Г.Г. Янна, В. Кёппена и ряда других авторов старшего поколения не только не корректно, но и не имеет под собой никаких оснований. «Группа 47» не была литературным салоном, даже не литературным кафе, к чему призывал её Г. Кестен, певец «золотых» 20-х годов, и уж никак не собранием «завсегдатаев пивнушки (Stammtisch), среди которых не все находились в дружеских отношениях между собой, но, тем не менее, все они собирались вместе за кружкой пива» [39, S. 497]. Изначально «группа 47» была творческой мастерской для молодых авторов, где они проходили свои университеты. Писатели старшего поколения эти университеты уже прошли, что, однако, не мешало некоторым из них, например, В. Кёппену, числить себя членом «группы 47» и принимать активное участие в её политических мероприятиях, не говоря уже о том, что В. Кёппен всегда был в курсе всех событий, связанных с «группой 47», и выступал на её стороне в спорах с оппонентами различного толка.

Не выдерживает критики и стремление Шрёрс представить «группу 47» как некое замкнутое явление, которое находится в стороне от культурной жизни страны. С именем «группы 47» связан легендарный журнал «Руф», являющийся неотъемлемой частью истории послевоенной немецкой культуры; в одном ряду с ним, хотя по значимости и уступавший «Руф», являлся и журнал «Литератур»; сюда же следует отнести и журнал А. Андерша «Тексте унд Цайхен», который хотя и не являлся номинально журналом «группы 47», однако в действительности отражал основные тенденции литературной политики этого объединения писателей. Наконец, «Акценте», крупнейший журнал современной литературы ФРГ, оплот немецкого авангарда, учитывая тот факт, что его основатели, В. Хёллерер и Г. Бендер, являлись членами «группы 47», был её своеобразной витриной, предоставляя свои страницы всему самому интересному из того, что появлялось на встречах группы.

Начиная с середины 50-х годов любое издательство ФРГ готово было опубликовать книгу авторов «группы 47», примером тому могут послужить многочисленные споры между издательствами, доходившие чуть ли не до судебных разбирательств, когда заходила речь, например, о публикации книг Г. Грасса, И. Бахман или Г. Эльснер; среди наиболее «приближённых» к «группе 47» издательств следует назвать «Ровольт» и «Зуркамп»; более того, в 1963 году издательство «Зуркамп» основало издательскую серию «эдицион зуркамп» («edition suhrkamp»), в её редакционную коллегию входили, кроме шефа издательства З. Унзельда, Г.М. Энценбергер, М. Вальзер, У. Йонзон, К.М. Михель, В. Бёлих. Члены «группы 47» принимали участие не только в формировании авторского состава «эдицион зуркамп», но и способствовали тому, чтобы произведения молодых писателей «группы 47» получили благодаря этому изданию путёвку в жизнь. Низкие цены и преимущественно новейшая немецкая литература позволили этой серии завоевать огромную молодёжную аудиторию [40, S. 55 – 56].

Особый разговор – воздействие авторов «группы 47» на философию, музыку, театр, кино, живопись, науку. Воздействия как такового, действительно, не было, и здесь Шрёрс прав, но почему-то представителей этих культурных проявлений тянуло к авторам «группы 47». Дело порой доходило до скандалов, как это было в случае с философом Людвигом Маркузе, когда его не пригласили на встречу в Ашаффенбурге в 1960 году [1, S. 312]; философ Эрнст Блох был постоянным посетителем встреч «группы 47» и даже выступал со своими комментариями [41, S. 10]. Известные композиторы – Борис Блахер, Ганс Вернер Хенце, Луиджи Ноно – обращались к текстам авторов «группы 47» [43, с. 189]. О роли авторов «группы 47» в театре можно судить по успешным постановкам пьес М. Вальзера, В. Хильдесхаймера, П. Вайса, Г. Грасса на сценах ФРГ и ГДР. Что же касается радиального искусства, то здесь даже Шрёрс вынужден признать приоритет авторов «группы 47» [39, S. 501]. Почему-то именно к «группе 47» потянулись в 1962 году молодые кинематографисты из Оберхаузена, а не к какой-то иной творческой группировке. Живопись, графика, скульптура также имели прямое отношение к «группе 47», если учесть, что её ведущие авторы – В. Хильдесхаймер, Г. Грасс, П. Вайс – неоднократно выставляли свои работы как в ФРГ, так и за рубежом. О том, насколько все эти «побочные» культурные проявления авторов «группы 47» содействовали развитию названных областей искусства, судить не мне, но тот факт, что присутствие «группы 47» в культурной жизни ФРГ не ограничивалось собственно литературой, говорит о многообразии её проявлений как культурного явления, значимость которого уже трудно не замечать даже такому её недоброжелателю как Шрёрс, отчего так яростны его нападки на это писательское сообщество.

Особо сокрушается Шрёрс и по поводу того, что «основой переживания авторов «группы 47» было непреодоленное прошлое, а не Веймар» [39, S. 503]. И это естественно, ибо подавляющее большинство из них воювало и война была основой их переживаний, да к тому же Веймар показал свою слабость и несостоятельность, заболтав, проглядев за литературными дискуссиями, бурными стычками в литературных кафе становление фашизма в Германии. Для молодых авторов «группы 47» и эмигранты, которых они считали предателями, оставившими родину в беде, и представители «внутренней эмиграции», прямо или косвенно способствовавшие поддержанию культурного имиджа национал-социализма, не были тем источником, который дал бы им живительную силу, служил бы им примером, тем более, что пример этот пахивал нафталином, ибо подавляющее число работ «внутренних эмигрантов» являло собой перепевы литературных образцов XIX века.

Что же касается отсутствия фирменного стиля «группы 47», то обвинения эти несерьёзны ещё и потому, что стиля как такового в послевоенной литературе ФРГ не было и в помине, а было половодье стилей без подавляющего господства какого-либо одного из них. Не случайно Шрёрс постоянно обращается за помощью к авторам конца XIX – начала XX веков, ибо не может привести ни одного автора, не говоря уже о группе авторов, который создал бы некий художественный стиль, ставший показательным для какого-то отрезка истории литературы ФРГ. Правда, в первые послевоенные годы в Западной Германии на какое-то время возродился «магический реализм», заметны были отголоски экспрессионизма и сюрреализма, но это были спорадические явления, характерные как для авторов «группы 47», так и для авторов «внутренней эмиграции» (достаточно вспомнить знаменитый роман Г. Казака «Город за рекой»), и не ставшие показательными для общего литературного процесса. Представители старшего поколения (а это в основном писатели «внутренней эмиграции», господствовавшие вплоть до середины 50-х годов в литературе ФРГ), за исключением В. Кёппена и Г.Э. Носсака, обратившихся к наследию модерна, продолжали писать так, как будто после 1945 года ничего не произошло, пережёвывая жалкие остатки классиков XIX века, а молодые авторы, пытаясь обрести под ногами почву, с восторгом упивались открывшимися им образцами французской и американской литературы, не забывая, впрочем, и Кафку, ставшего идиолом послевоенной литературы в Европе и Америке. Если обозреть литературную продукцию авторов «группы 47» за весь период до появления статьи Шрёрса, то выяснится, и тут нужно согласиться с ним, что «в эстетическом отношении группа была многоядной, которой просто всё казалось вкусным и удобоваримым, кроме, понятное дело, того, что она считала неофашистским или постфашистским, то есть *prima vista* (на первый взгляд. – Е. З.) вызывало не эстетическую, а политическую критику» [39, S. 497].

Вероятно, именно поэтому Шрёрс характеризует «группу 47» находящейся «в состоянии грубого товарищества, фамильярности, замкнутого собрания закадычных друзей, действительно, напоминающего состояние «обер-ефрейторского-раздолья-во-время-отлучки-начальства» (это хорошо проявилось в ненависти к Эрнсту Юнгеру)» [39, S. 501]. В этом весь Шрёрс как бывший офицер вермахта и как писатель с его претензиями на хороший вкус в литературе, особенно с учётом его безмерного почитания стиля Э. Юнгера, хотя книги самого Шрёрса, несмотря на ряд мелких провинциальных премий консервативного толка, ещё при его жизни не пользовались успехом и вскоре «были совершенно забыты» [44, S. 223].

Тем не менее, эти «обер-ефрейторы» выбились в люди, но «не благодаря «группе 47» и не благодаря махинациям группы, как это утверждают некоторые противники группы, а исключительно благодаря самим себе, благодаря, наконец, появившимся книгам и бдительным рецензентам газет и журналов... Незнаменитая группа не делала писателей знаменитыми, она стала знаменитой благодаря её знаменитым членам» [40, S. 504]. В стремлении принизить значение «группы 47» Шрёрс, конечно, лукавит, ибо более бдительные и более злобные недруги этого литературного объединения вынуждены признать, что, начиная с середины 50-х годов, имя «группы 47» не сходит со страниц газет и журналов, не говоря уже о радио, не только в ФРГ, но и во Франции, Италии и даже Англии. «Незнаменитых» не пригласили бы в ту же Италию с тем, чтобы познакомиться с новой немецкой литературой, как это было в 1954 году, а потом – в Швецию, как это было в 1964 году; с «незнаменитой» группой вряд ли стали бы сотрудничать немецкие радио-станции, устраивая именно под эгидой «группы 47» специальные встречи, посвящённые проблемам радио- и телепесы (в 1953 году – в Бебенхаузене, в 1960 году – в Ульме, в 1961 году – в Засбахвальдене). Знаменитой «группа 47» была уже потому, что в ФРГ, как, впрочем, и в Европе, не было подобного литературного собрания, где никому не известные авторы могли бы представить на общее обсуждение свои первые опыты. Что же касается знаменитости самих авторов «группы 47», то, не отрицая их таланта, можно смело сказать, что не выступи они (например, И. Айхингер, И. Бахман, Г. Бёлль, П. Целан или Г. Эльснер) на встречах «группы 47», трудно сказать, как бы сложилась их литературная судьба. «Группа 47» была катализатором успеха талантливых людей, и в этом ей не было равных на литературной сцене ФРГ, что, собственно, и раздражает Шрёрса.

Но ещё больше раздражает Шрёрса несхожесть «группы 47» с какими-либо литературными образцами, её форма бытования в виде некоего несуществующего, но, тем не менее, могущественного явления общественной жизни, что и позволяет критику заявить, что «в литературном отношении она обладает иммунитетом» [39, S. 504 – 505], то есть не имеет никакого отношения к литературе как таковой, к литературе традиционного образца. Именно поэтому, заключает Шрёрс, «в немецкой послевоенной литературе не произошло образования специфических литературных групп, специфических литературных конфликтов и, в социологическом смысле, специфических литературных связей и традиций в издательском деле, в книжной торговле и среди читателей» [39, S. 505]. Именно по этой причине «литературная субстанция» как таковая, считает Шрёрс, потеряла свою воздействующую силу на общество [39, S. 505 – 506]³. Можно подумать, что немецкое общество вздрогнуло или возмутилось, прочитав романы Г.Г. Янна или Э. Кестнера. Оно просто проигнорировало их, как это было в случае Г.Г. Янном, хотя это была мастерская проза, или приняло как данность в случае с Э. Кестнером, учитывая ординарность его творчества.

«Литературная субстанция» сама по себе сродни «каллиграфическому эстетизму» писателей «внутренней эмиграции», но если для них это была вынужденная позиция, учитывая политическую ситуацию в годы фашизма (опять, как ни крути, политический фактор определяет существование «литературной субстанции»!), то сохранение этой «литературной субстанции» в предельно изменившейся политической ситуации после 1945 года было подобно литературной смерти, что, собственно, и произошло с Вольфом фон Нибельшютцем, чей «галантный» роман «Голубой камергер» («Der blaue Kammerherr», 1949), несмотря на неоднократные отчаянные усилия издательства «Зуркамп», так и не вызвал какого-либо интереса ни у читателей, ни у критиков; такая же судьба ожидала и произведения Эрнста Кройдера, предпочитавшего не замечать действительности как таковой. В этой связи горестные lamentации Шрёрса по поводу отсутствия у современной литературы памяти, в чём, естественно, виновата «группа 47», потому что «она определяет, что является литературой в Германии», сродни lamentациям по поводу прошедшей молодости: «20-е годы едва наличествуют, не говоря уже о XIX веке и более ранних временах. Классики – вплоть до Гофманстала – слишком консервативны, консерваторы от Гебеля (кроме Кафки) до Георга Бриттинга – слишком фёлькиш (и это правда, ибо именно фёлькиш-националы, составляли костяк нацистского Парнаса. – Е. З.),

³ Термин *völkisch/volkhaft*, то есть «народный/народнический», примерно с 1875 года, является онемеченной заменой слова «national» (Brockhaus Lexikon. – Bd.19. – Tus-Wek. München 1988. – S. 214), хотя постоянно встречается в сочетании «*völkisch-national*» – «фёлькиш-национальный», и употребление которого, особенно во времена Третьего рейха, практически в любом контексте имело ярко выраженную расистскую и антисемитскую тенденцию. В научной и политической литературе этот термин употребляется только применительно к проблемам национал-социализма и не имеет хождения в современном немецком языке.

пророки от Гёльдерлина до Георге – слишком патетичны, натуралисты – слишком покрыты пылью, романтики – слишком немецкие» [39, S. 506]. Отсюда, мол, и понятно, почему «новая литературная премия носит имя Бюхнера, а не Генриха фон Клейста» [39, S. 505], так как «литературный истеблишмент» определяют не литературные содержания и формы, а политически окрашенные, впрочем, довольно банальные неконформистские композиции» [39, S. 505].

Основная мысль довольно противоречивой и полной фактических ошибок статьи Шрёрса состоит в том, что изящное искусство пало под натиском сапог обер-ефрейторов. Однако его беспокоит не столько забвение заветов прошлого (в конце концов, книги остались, и к неиссякаемому источнику возвышенного всегда можно припасть в минуту тревог, сколько рост значимости «группы 47» в общественно-политической жизни страны, переходящий границы сугубо профессионального и приближаясь к пределам сугубо политическим, куда немецкие писатели очень редко отваживались заглядывать. В какой-то мере статья Шрёрса – это политзаказ и напоминание политическому истеблишменту о том, что с этой «группой 47» надо что-то делать, пока она не превратится в некую политическую партию со всеми вытекающими отсюда последствиями.

У страха глаза велики. Шрёрс и стоящие за ним круги преувеличивают силы, возможности, да и желания авторов «группы 47» ступить на тропу политических битв, и эта мысль достаточно ясно прозвучала в ответной статье Г. Бёлля «Страх перед «группой 47» («Angst vor der "Gruppe 47"»), опубликованной в том же журнале «Монат». Статья эта примечательна, прежде всего, тем, что на защиту чести и достоинства «группы 47» стал представитель старшего поколения, находящегося в известной оппозиции к нынешнему состоянию дел в этом творческом объединении и к самому Г.В. Рихтеру, к его политике руководства группой. Примечательно и то, что слово взял, пожалуй, один из самых безжалостных критиков этой политики, и поэтому весь текст его защитной речи является полемикой на две стороны. В одном случае, это отпор прямо скажем, непрофессиональным суждениям Шрёрса не только о сущности «группы 47», но и о литературе вообще; в другом случае, это и своеобразное выражение оппозицией своих претензий к Рихтеру, хотя вряд ли кто-либо из «старой гвардии» уполномочивал Бёлля выступить с подобным заявлением. Есть ещё один аспект, который придаёт поступку Бёлля особую значимость, ибо он был именно тем, кто пытался «из человеческих побуждений» убедить Рихтера не отлучать Шрёрса от «группы 47» [45, S. 69 – 70].

Прежде всего, Бёлль сходу, не вдаваясь в какие-либо объяснения, отмечает нелитературную озабоченность «группы 47», на чём Шрёрс упорно настаивает на протяжении всей своей статьи. Литературную сущность «группы 47» и её проблемы «протоколируют все её встречи, все прочитанные на ней тексты, все разговоры, всё, о чём критически было сказано в рамках зала и за его пределами; к ним относятся лица, шум вокруг них, для чего пришлось бы установить барометры настроений и измерительные приборы, которые можно было бы назвать определителями перепадов настроений встреч» [46, S. 506]. Отвергает Бёлль и попытки Шрёрса обвинить «группу 47» в том, что она препятствует созданию литературных движений, насмешливо замечая, «где какому движению вообще препятствовали!», и тут же, в качестве контрдовода, говорит о наличии в самой «группе 47» «школ» Хёллерера, Хайссенбюттеля, Веллерсхофа: «... группа принимала все течения, а течения соглашались быть принятыми, потому что их не отвергали с презрением» [46, S. 507]. Действительно, многие направления экспериментальной поэзии и прозы были представлены на встречах «группы 47», и, несмотря на явное несоответствие их основополагающим реалистическим принципам мировосприятия большинства писателей (Бёлль называет этот стиль «своего рода "критическим реализмом"»), эти направления никто не отвергал с порога – ругали, посмеивались, пытались разобраться, находили какие-то близкие по духу группе элементы, наконец, привыкали, учились воспринимать мир в другом измерении и находили в этом разумный посыл. В этом смысле показателен пример с Хельмутом Хайссенбюттелем, которого поначалу воспринимали как чудака, веселившего в конце встреч уставшую от множества текстов публику своими необычными стихами. Однако со временем его длительные экспериментальные акции пробудили у слушателей и у критиков вкус к «поэзии на воде» тем более, что она оказалась не такой уж развлекательной, когда поэт прочитал на встрече в Сигтуне ряд острых политических сатир. В конечном итоге это знакомство с новым, интерес, проявленный в «группе 47» к нему, способствовал тому, что группа, прямо или косвенно, дала этому новому направлению выход в большую литературу, то есть, как пишет Бёлль, она становилась «инструментом публикации» [46, S. 507].

Подобное свойство «группы 47», воспринимаемое её врагами, в том числе и Шрёрсом, как самый тяжкий грех, Бёлль справедливо считает благом для послевоенной западногерманской литературы: «Группа была (и частично остаётся такой) тем, что отсутствовало в Германии после 1945 года: местом встречи, мобильной академией, литературной заменой столицы», где естественным образом обсуждались новые произведения. Учитывая тот факт, что сама «группа 47» возникла из недр журнала «Руф» после изъятия американскими оккупационными властями у А. Андерша и Г.В. Рихтера лицензии на его издание, она «сохранила также характер редакционного заседания», взяв на себя функции «своего рода расширенной предварительной редактуры» [46, S. 508], а это уже есть основание для критики, которая, если это настоящая критика, не щадит ни новичков, ни мэтров.

Бёлль, противопоставляя две команды критиков (Блэккер, Хохофф, Хорст, Корн, Крэмер-Бадони – с одной стороны, и Энценбергер, Йенс, Кайзер, Майер – с другой), замечает, что «последние намного меньше, чем первые, «разносят», «устраивают резню», «отстрел» того, что они получают отовсюду» [46, S. 507], и происходит это потому, что последние, то есть критики «группы 47», ощущают себя составной частью «творческой мастерской», где всё происходит «в атмосфере *entre-nous*» [46, S. 510], где всё дозволено высказывать напрямую, без обиняков. Правда, есть один нюанс, который явно не устраивает Бёлля, – это невозможность критикуемого ответить на критику, который ещё как-то оправдывался в первые годы существования «группы 47», когда она была в полном смысле этого слова школой для начинающих писателей, к тому же – аутодидактов в большинстве своём. Однако с тех пор, когда встречи «группы 47» стали публичными, подобного рода безответные экзекуции «приняли вид своеобразного приглашения к извращённой развлекательной игре. Я советовал молодым авторам, просившим моей рекомендации, по большей части (и почти всегда безуспешно) отказаться от этого. То, что встречи раньше были именно «творческими мастерскими», этого уже давно нет; и эти изменения нельзя приписать снижению качества критики, которое всегда было непостоянным, а только количеству устраивающихся встреч и их массовой открытости. В то время, когда камеры телевидения, а вместе с ними и миллионы потенциальных зрителей, глядят на вас...; в то время, как укреплённые на стенах магнитофоны слушают, в этой напряжённой атмосфере, наполненной старыми дружескими связями, старой враждой, раздражениями и обидами (только говорите мне, будто лишь *один* писатель нечувствителен; он может быть не так толстокож как слон, но память же, как у слонов, он должен иметь, иначе он не был бы писателем), в этом зале эксперимент превращается в экспозицию, а это не всегда хорошо для экспозиционистской литературы, которой место в архивах психиатрических клиник. В этой атмосфере *ad hoc* критика становится потенциальным убийством, так что обозначение места, где сидит читающий, «электрическим стулом» теряет свой шуточный характер. Так как, кроме того, разница между слушанием и чтением текста никогда не объяснялась (критиков следует обязать, чтобы они когда-нибудь для примера сделали бы об этом доклад), добавляются многочисленные факторы, не поддающиеся учёту. Откровенное тщеславие, которое я всегда считал формой проявления глупости, является, когда установлены телевизионные камеры, самым простым из всех искушений, а трибунал – платформой негуманной случайности» [46, S. 510].

Столь просторную цитату пришлось привести потому, что в ней, пожалуй, больше всего отразилась тоска «старой гвардии» по временам действительно дружеского общения в литературных делах (дружеские застолья не в счёт, они остались прежними, и там постоянно тоже говорили о литературе, но в другом ключе, так что, порой, приходилось разнимать спорящих). Однако Бёлль не учитывает временного фактора, ибо в первые годы на встречах «группы 47» тон задавали фронтовики, люди не очень искушённые в тонкостях литературы, и критикуемый всегда мог отыгаться на своём критике, когда тот выступал со своим текстом, ибо профессиональных критиков тогда ещё не было. С приходом в «группу 47» универсантов, которые совмещали в себе, как В. Йенс, и писателя и критика, ситуация изменилась, и автор как критик сошёл почти на нет.

В этой просторной цитате Бёлль открыто выговорил всё то, о чём он обычно умалчивал во время своих редких посещений встреч «группы 47». Г.В. Рихтер вспоминает: «Генрих никогда не выступал с критическими замечаниями, он всегда слушал молча, смеялся вместе со всеми, и порой воспринимался мною как некий участник, который совсем ни в чём не участвовал. Он никогда не говорил со мной об этих встречах, никогда не обращался ко мне за советом, и я вёл себя по отношению к нему таким же образом, я не нуждался в его советах» [45, S. 73].

И вот «великий немой» заговорил. Но он говорил не от имени старшего поколения «группы 47», а выражал своё личное мнение, ибо его отношение к этому литературному сообществу было достаточно прохладным, так как, по словам того же Г.В. Рихтера, сказанным в конце 80-х годов, «он не хотел принадлежать ни к какой группе и ни к какому направлению... Он хотел – таким я его видел тогда, и таким он мне видится и сегодня – быть одиночкой, для которого имели значение и находились в центре внимания только его собственная совесть, его собственные соображения и мысли и его собственная мораль» [45, S. 77]. Вероятно, именно поэтому в своей речи по случаю присуждения ему Нобелевской премии Бёлль ни словом не обмолвился о «группе 47», хотя, как вспоминал Рихтер, «задолго до этого шведы рассказывали мне, что эта награда Генриху Бёллю является наградой именно «группе 47» или, во всяком случае, должна была ею быть» [45, S. 73].

Подобная позиция Бёлля определяет и его отношение к «группе 47» начала 60-х годов, ибо предельная открытость её встреч, сопряжённая с активным участием в их работе телевидения, радио, прессы, а после встречи в Швеции и государственных структур, вызывает у него решительное неприятие. Для индивидуалиста до мозга костей, в какой-то мере терпевшем собрание себе подобных в рамках «группы 47», привлечение к святой святых творчества ещё и широкой общественности, да ещё в форме некоего шоу, – это уж слишком.

Значительную часть своей статьи Бёлль посвящает разговорам и слухам о так называемой власти «группы 47», о её мощном влиянии на судьбы общества. Соглашаясь с тем, что авторы «группы 47» или близкие ей по духу писатели, критики, комментаторы, редакторы, издатели, режиссёры вкупе могут обладать «неким властным потенциалом», который, однако, никогда не проявлялся в том виде, в каком его понимают противники группы по аналогии с политической властью, Бёлль писал: «Вероятно, это есть та самая власть, которую политики ощущают иногда и которая побуждает их к атакам на неё или к попыткам сблизиться с нею. Сами политики ведь безвластны или бессильны, потому что они обладают «тактической» властью, в то время как власть писателя всегда остаётся «стратегической»; стоит ему начать действовать «тактически» и таким образом завоёвывать влияние, он быстро почувствует, насколько он бессилен» [46, S. 511]. Учитывая, что западногерманское общество, соответственно и политическая власть, исповедует чисто «тактическую» власть, Бёлль считает, что по этой причине «дискуссии между авторами и какими-либо другими представителями этого общества, политиками, клерикалами, функционерами абсолютно бессмысленны» [46, S. 511 – 512]. Однако участие Бёлля в некоторых акциях «группы 47» такого свойства (например, встреча с руководством СДПГ на съезде этой партии в 1965 году), свидетельствует о том, что писатель до конца не отбрасывал возможность такого диалога. Тем не менее, эти контакты «группы 47» с представителями партий, а через них и с властью, как это практикует, например, Рихтер в своём политически-литературном салоне, вызывают у Бёлля опасения, что она превратится «в род некоего института и возьмёт на себя некую функцию, то есть начнёт функционировать». Как она тогда в качестве «этого института» поведёт себя, если ХДС захочет украсить окончание своего следующего партийного съезда приёмом в честь «группы 47»? Отказать она не могла бы, а своим отказом выразить сомнение в порядочности г-на федерального канцлера проф. др. Эрхарда было бы не только невежливо, но и совершенно неуместно. Как группа она не намного левее, чем некоторые депутаты от ХДС, а в политическом отношении так же беспомощна, как и эти депутаты; а то, что некоторые из её членов создают «опасную для юношества» литературу, некоторым депутатам бундестага кажется довольно безобидной наглостью» [46, S. 515].

Непримирение Бёллем и некоторыми другими представителями «старой гвардии» манеры письма молодёжи общеизвестны, и здесь ясно прослеживается противостояние поколений, ибо «описание реальности» обрело в произведениях молодых авторов новые формы, более радикальные, более агрессивные, чем простая констатация явлений реальной жизни с оттенком укоризны. Радикализм Бёлля проявлялся в основном в публицистике, проза его, даже в таком, казалось бы, остром романе как «Утраченная честь Катарины Блюм» (1974), по-прежнему оставалась для него способом размеренного исследования мира.

Что же касается опасностей сближения «группы 47» с властью имущими, то в этих словах Бёлля слышны отголоски высказываний В. Хильдесхаймера, когда он перед поездкой «группы 47» в Швецию обрисовал Рихтеру примерно такую же ситуацию и предостерёг его от каких-либо контактов с властями [1, S. 535], и это понятно, потому что именно Бёлль, Хильдесхаймер и Андерш были тогда едва ли не главными организаторами «бунта на корабле». Однако дальнейшие рассуждения Бёлля на эту же тему говорят о противоречивости его позиции. Он восхищается тем, что «группе 47» удалось сделать то, что не могли сделать ни одна партия, ни одно западногерманское правительство, – «наладить отношения, хотя и не дипломатические, с авторами из ГДР» [46, S. 516], и в то же время предостерегает её не заходить дальше означенной границы [46, S. 516].

Статья Бёлля производит двойственное впечатление. С одной стороны, это собрание различных претензий, касающихся отношений именно Бёлля с «группой 47», а не общества и «группы 47», ибо он постоянно призывает общество не бояться этого литературного объединения, ибо оно плоть от плоти этого общества, и поэтому «его совершенно не нужно бояться» [46, S. 516]; с другой стороны, он постоянно проговаривается, отмечая положительные стороны деятельности «группы 47», которые невозможно не заметить, и от этого защитная интенция в его рассуждениях остаётся значимой. Бёлль не может игнорировать годы, проведённые в этом сообществе индивидуалистов, и его появление на встрече «группы 47» в 1967 году в Пульфермуле не случайно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Richter, H.W. Briefe / H.W. Richter // Hrsg.v. S. Cofalla. – München, Wien. 1997.
2. Deschner, K. Talente. Dichter. Dilettanten. Überschätzte und unterschätzte Werke in der deutschen Literatur / K. Deschner. – Wiesbaden, 1964.
3. Deschner, K. Gruppe 47 / K. Deschner // Konkret. – November 1964. – Nr. 11.
4. Thiess, F. Der Dirigismus der Gruppe 47. Sie profitieren vom Mitläufertum der Massen / F. Thiess // Deutscher Anzeiger. – München, 25.12.1964.
5. Leonhardt, R.W. German Literary Letter / R.W. Leonhardt // The New York Times Book Review. – 10.10.1965.

6. Leonhardt, R.W. Die Gruppe 47 in Schweden. Momentaufnahmen von diesjähriger Tagung / R.W. Leonhardt // Die Zeit. – 18.09.1964.
7. Lettau, R. Letters to the Editor, Group 47 / R. Lettau // The New York Times Book Review. – 07.02.1965.
8. Leonhardt, R.W. A reply / R.W. Leonhardt // The New York Times Book Review. – 07.02.1965.
9. Wider, W. Der Ton macht die Musik / W. Wider // Die Zeit. – 24.12.1964.
10. Heißenbüttel, H. Ödipuskomplex made in Germany / H. Heißenbüttel // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
11. Richter, H.W. Die Alternative im Wechsel der Personen / H.W. Richter // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
12. Wellershoff, D. Erhard ist kein Alibi / D. Wellershoff // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
13. Grass, G. Gesamtdeutscher März / G. Grass // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
14. Fried, E. Englische Randglossen / E. Fried // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
15. Weiß, P. Unter dem Hirseberg / P. Weiß // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
16. Havemann, R. Nach zwanzig Jahren / R. Havemann // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
17. Eggebrecht, A. Millionär und Sozialist / A. Eggebrecht // Plädoyer für eine neue Regierung oder Keine Alternative / Hrsg.v. H.W. Richter. – Hamburg, 1965.
18. Ströthmann, D. Eine Alternative für Bonn? / D. Ströthmann // Plädoyer für das "kleinere Übel" // Die Zeit. – 20.08.1965.
19. Augstein, R. Der geschundene Siegfried / R. Augstein // Der Spiegel. – Nr. 19. – 1965.
20. Verbalinjuien // Sonntag. – Berlin-Ost. – Nr. 32. – 1965.
21. Anonym. Westdeutsche Schriftsteller gegen Erhard // Volksstimme. – Wien. – 14.07.1965.
22. Anonym. Im Stiel der Zeit // Der Spiegel. – Nr. 30. – 21.07.1965.
23. Циглер, Г. За бранью – костры из книг? / Г. Циглер // За рубежом. – М. – № 32. – 1965.
24. Брунелли, В. Канцлер кричит / В. Брунелли // Корьере дела сера. – Милан / Цит. по: За рубежом, № 32. 1965.
25. Worte der Woche // Die Zeit. – 16.07.1965.
26. Thiess, F. Der Krach mit den Literaten. Bonn erntet die bitteren Früchte einer giftigen Saat / F. Thiess // Deutsche Nationale Zeitung. – 06.08.1965.
27. K.H. Meinungsfreiheit // Die Zeit. – 07.05.1965.
28. Thrändhardt, D. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland 1949–1990 / D. Thrändhardt. – Bd.12. – Frankfurt/Main, 1996.
29. Nöhbauer, H.F. Requiem für die Regierung / H.F. Nöhbauer // 8 Uhr-Blatt. – Nürnberg. – 28.05.1965.
30. Grass, G. Mit halblauer Stimmlage / G. Grass. Angestiftet Partei zu ergreifen // Hrsg.v. D. Hermes. – München, 1994.
31. Dichter und Richter. Die Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur. Ausstellung der Akademie der Künste 28. Oktober bis 7. Dezember 1988. – Berlin-West, 1988.
32. Vaterland, Muttersprache. Deutsche Schriftsteller und ihr Staat von 1945 bis heute / Zusammengestellt v. K. Wagenbach, W. Stephan, M. Krüger. – Berlin-West, 1979.
33. Hildebrandt, D. Formulierungshilfe über der Kantstraße / D. Hildebrandt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 07.08.1965.
34. Wir wollen verändern. Das Wahlkontor – Dokumente einer Parteinarbeit // Die Zeit. – 31.01.1992.
35. Ильин, Б. Мятёж усыпленной совести / Б. Ильин // За рубежом. – № 32. – 1965.
36. Grass, G. Des Kaisers neue Kleider / G. Grass. Angestiftet Partei zu ergreifen // Hrsg.v. D. Hermes. – München 1994.
37. Mörschbach, F. Die Behaglichkeit blieb im wohltemperierten Saal. Minister Stoltenberg diskutierte mit Hans Werner Richter über die "linken Kritiker" / F. Mörschbach // Frankfurter Rundschau. – 09.12.1965.
38. Baecker, S. Intellektuelle sind von Natur aus offen und selbstkritisch. Ein Gespräch mit Hans Werner Richter / S. Baecker // Vorwärts. – 22.12.1965.
39. Schroers, R. Die «Gruppe 47» / R. Schroers // Bundesrepublikanisches Lesebuch; hrsg.v. H. Glaser. – München, Wien. 1978.
40. Die Geschichte des Suhrkamp Verlages 1950–2000. – Frankfurt/Main, 2000.
41. Töteberg, M. Konrad Bayer / M. Töteberg // Kritisches Lexikon zur deutschsprachigen Gegenwartsliteratur; hrsg.v. H.L. Arnold. – Bd. 1. – München, 1978. – Stand 1.4.1983.
42. Зачевский, Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ 1954–1961. – Т.4. – СПб., 2008.

43. Зачевский, Е.А. «Группа 47» Страницы истории литературы ФРГ 1962–1964 гг. / Е.А. Зачевский. – Т. 5. – СПб., 2010.
44. Vormweg, H. Prosa der Bundesrepublik seit 1945 / H. Vormweg // Die Literatur der Bundesrepublik Deutschland // Hrsg.v. D. Lattmann. – Zürich, München. 1973.
45. Richter, H.W. Liebst du Geld auch so wie ich? / H.W. Richter // Im Etablissement der Schmetterlinge. Einnundzwanzig Portraits aus der Gruppe 47. – München, Wien. 1986.
46. Böll, H. Angst vor der «Gruppe 47» / H. Böll // Bundesrepublikanisches Lesebuch; hrsg.v. H. Glaser. – München, Wien, 1978.
47. Schallück, P. Der Graue / P. Schallück // Der Spiegel. – Nr. 19. – 1965.
48. Lenz, S. Genugtuungen sind selten / S. Lenz // Der Spiegel. – Nr. 19. – 1965.